

Сара Барнс

ГРАЖДАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ АНГЛИИ И ТРИУМФ ОКСБРИДЖСКОГО ИДЕАЛА¹

При взгляде на английскую систему высшего образования вряд ли можно усомниться в роли Оксфорда и Кембриджа как определяющих институтов. Независимо от точки зрения — современной или исторической — величественные шпили двух старейших университетов Англии возвышаются над ее ландшафтом. Больше любой сопоставимой пары институтов в Соединенных Штатах, они задают стандарты, по которым оцениваются все остальные британские университеты. Согласно многочисленным описаниям развития высшего образования в Англии, одним из результатов превосходства Оксбриджа была склонность к «академическому дрейфу», процессу копирования новым институтом и/или институтом второго сорта программы и академического стиля элитарных институтов. Гражданские университеты Англии, по-видимому, особенно повинны в этой тенденции. Основанные в эпоху королевы Виктории и короля Эдуарда крупнейшими провинциальными городами Англии для удовлетворения местных потребностей в высшем образовании, они поначалу служили прекрасной альтернативой старым университетам, причем не только с точки зрения своего местонахождения и социально-экономического состава студентов, но и с точки зрения поставленных перед ними задач. Тем не менее, согласно многим комментаторам, университеты отказались от создания новой модели высшего образования в Англии, которая придавала особое значение научным исследованиям, практической подготовке профессионалов и более открытому доступу. Отмечая рост числа выпускников-гуманитариев, особенно в течение двух десятилетий после окончания Первой мировой войны, и растущую потребность в создании студенческих общежитий, современники, например А. Халси и Рой Лоу, делали вывод о том, что новые университеты отказались от своего первоначального этоса, попытавшись вместо этого

¹ Barnes S. England's Civic Universities and the Triumph of the Oxbridge Ideal // History of Education Quarterly. 1996. Vol. 36. No. 3. Autumn. P. 271–305.

в максимально возможной степени копировать оксбриджский идеал среди смога и нищеты своего городского индустриального окружения.

Такая идея с самого начала казалась обреченной на провал. Основатели гражданских университетов не только признавали такую цель недостижимой, но и отказывались предпринимать шаги в данном направлении, предпочитая вместо этого заниматься созданием английского университета нового типа, больше похожего на институты, которые существовали в Шотландии и Германии. Предоставление независимости гражданским университетам в начале XX века свидетельствовало об официальном признании государством этих усилий. И даже более поздние критики благосклонно отзывались о достижениях тогдашних провинциальных институтов. Например, историк Э. Тейлор, обзревая достижения университетов за полвека, отмечал, что Манчестерский университет на рубеже веков «не имел себе равных по степени интеллектуального развития».

Что же такое произошло в период с 1900 по 1930 год, что заставило современников и историков говорить о неспособности гражданских университетов стать чем-то иным, кроме бледной тени Оксфорда и Кембриджа? Правы ли сторонники теории академического дрейфа? Отказались ли провинциальные университеты от выполнения поставленной перед ними задачи? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо более пристально рассмотреть истоки современной системы высшего образования в Англии конца XIX — начала XX века.

История самих гражданских университетов началась в 1851 году с создания Оуэнс-колледжа, института, который в конечном итоге стал Манчестерским университетом. Основанный с намерением дать детям среднего класса образование в «таких ветвях знания и науки, какие имеются ныне и могут затем преподаваться в английских университетах», Оуэнс-колледж в первые годы своего существования предложил программу, сочетавшую традиционный акцент на латыни, греческом и математике с определенным вниманием к таким более новым предметам, как естествознание, английская литература и новые языки.

Такая система едва не привела к закрытию института из-за нехватки студентов. Отчасти проблема заключалась в стремлении колледжа поддерживать высокую планку при поступлении и уделять основное внимание классическим предметам, которые, хотя и должны были сохранить репутацию Оуэнс-колледжа как места изучения гуманитарных наук, на самом деле исключали возможность поступления многих практически настроенных молодых людей Манчестера, незаинтересованных в изучении предметов, преподаваемых в колледже. Но дело было не только в самом колледже; в действительности до начала 1860-х годов у среднего класса в Англии не было потребности в высшем образовании. В этот момент началось изменение установок, все последствия которого проявились в конце XIX — начале XX века, когда число желающих получить высшее образование резко выросло. Историки по-разному объясняют этот рост, отмечая такие факторы, как появление профессий, нуждающихся в отборе, обучении и аттестации новых работни-

ков, рост численности среднего класса, члены которого стремились повысить или по крайней мере сохранить свой статус, и — в определенной степени — постепенного признания промышленностью важности научного обучения и исследовательской деятельности.

Пример Оуэнс-колледжа, по-видимому, подтверждает каждое из этих объяснений роста популярности высшего образования, но данные зачастую противоречивы. Например, число зачисленных на определенные курсы и средства, выделяемые отдельным факультетам, говорят о сохраняющейся значимости гуманитарных предметов, традиционно считавшихся более престижными. Однако те же цифры показывают заметный сдвиг в пользу естественных наук, особенно химии, к концу столетия. Что касается инженерного дела, то технический факультет на протяжении большей части этого периода привлекал относительно небольшую долю студентов, хотя богатые инженеры всегда были наиболее щедрыми покровителями колледжа. Что касается занятости выпускников, то до 1914 года значительная часть бывших студентов Оуэнс-колледжа, обучавшихся гуманитарным и естественным наукам, занималась преподаванием или профессиональной деятельностью. В то же самое время в 1890-х годах большинство дипломированных специалистов получали степени бакалавров естественных, а не гуманитарных наук, и многие находили работу в промышленности.

Несмотря на стремление колледжа предоставить традиционное гуманитарное образование студентам из среднего класса, связанного с профессиональной карьерой, как утверждали некоторые историки, или создать новую модель университета, ориентированного на научно-исследовательскую деятельность, непосредственно связанную с местной промышленностью, произошло примирение ряда явно противоречивших друг другу тенденций. При более пристальном рассмотрении обнаруживается определенная закономерность. Исходя из имеющихся данных — числа студентов на курсах, распределения средств, помощи покровителей и занятости выпускников, — Оуэнс-колледж явно выиграл от роста спроса среднего класса на гуманитарное образование в подготовке к преподавательской или иной профессиональной деятельности. Но, сохранив приверженность гуманитарным предметам, после 1860 года колледж начал придавать все большее значение преподаванию естественных наук. Итак, перед институтом стояли две задачи. Изначально колледж стремился дать образование, связанное с традиционной английской идеей университета. Но, чтобы выжить, преподавателям и руководству необходимо было преобразовать свой институт так, чтобы он отвечал локальным потребностям и имел более тесные связи с окружающим обществом. Для Оуэнс-колледжа это означало определение новых приоритетов, связанных научно-исследовательской деятельностью. Ретроспективно этот выбор кажется закономерным, учитывая ориентированную на науку культуру среднего класса Манчестера. С экономической точки зрения, естественные науки представляли собой сравнительное преимущество Оуэнс-колледжа и были его сильной стороной в сравнении с другими институтами, определявшей его особую идентичность, то, чем могли гордиться и Оуэнс-колледж, и Манчестер.

Двоякая задача колледжа, наряду с особыми отношениями института со своим городом, впервые была озвучена руководством Оуэнс-колледжа в конце 1860 — начале 1870-х годов во время быстрого расширения института. Граждане Манчестера делали щедрые пожертвования колледжу, однажды собрав свыше 210 тысяч фунтов для строительства впечатляющих новых зданий и финансирования значительного расширения программы. Число студентов возросло и к концу столетия достигло почти 1000 человек благодаря поддержке городом своего локального института. В то же самое время подобные колледжи, разделявшие приверженность Оуэнс-колледжа гуманитарным и, возможно, в еще большей степени естественным наукам и технике, стали появляться в других провинциальных городах, в том числе в Бирмингеме, Ливерпуле и Лидсе. И к началу XX века, как и в случае с Оуэнс-колледжем, высокий уровень и особая миссия этих институтов получили официальное признание и университетские привилегии.

Так началась новая эпоха в развитии университетов в Англии. К началу Первой мировой войны к гражданским университетам присоединились еще два института — Шеффилд и Бристоль, увеличив общее число до шести. Для Манчестера статус университета означал свободу развития в соответствии с локальными потребностями и логикой императивов самого института, которые теоретически не зависели от навязанных извне стандартов. Поэтому одним из первых действий университета стало создание нескольких новых кафедр по различным дисциплинам и пяти совершенно новых факультетов. К 1914 году манчестерский студент мог получить степень в гуманитарных науках, коммерции, образовании, правоведении, медицине, музыке, естественных, технических и прикладных науках или теологии. Численность профессорско-преподавательского состава выросла с 67 человек в 1900 году до 152 человек перед началом Первой мировой войны. По завершении послевоенного всплеска численность студентов начала снижаться и рост возобновился только в конце 1920 — начале 1930-х годов, достигнув нового пика в 2726 человек в 1934–1935 годах. После этого число студентов колебалось, несколько снизившись перед новым ростом после Второй мировой войны.

Тем не менее, несмотря на несомненную жизнеспособность университета с точки зрения расширения программы и роста числа преподавателей и студентов, ни Манчестерскому, ни остальным гражданским университетам не удалось сохранить чувство гордости и тот потенциал, которым они обладали на рубеже веков. Отчасти провинциальные университеты страдали от распространившегося в межвоенные годы по всей Англии разочарования, которое заставило многих мыслящих людей усомниться в способности созданных людьми институтов эффективно решать мировые проблемы. Университеты, традиционно отвечавшие за сохранение и передачу человеческих ценностей, оказались наиболее уязвимой мишенью. Не удалось убедить даже Оксфорд и Кембридж. Однако гражданские университеты стали основным объектом критики британских университетов в межвоенные годы. Поначалу казавшееся зачаточной формой внутренней болезни

недовольство так называемыми «современными университетами» в конечном итоге получило широкое распространение.

Недовольство выразилось самыми различными лагерями. В Манчестере студенты были недовольны отсутствием красоты и спокойствия, свойственному городскому окружению университета. «Вокруг нет ни капли искусства, — замечал один студент, — нет никакой умиротворенности или тишины... во всех строениях или институтах вокруг нет никакого намека на культуру; все запущено, бедно, пусто, безжизненно и утилитарно. Рядом с университетом нет ни цветов, ни деревьев». Что касается университетских зданий, то автор нашел их «отвратительными». Другой студент вопрошал: «Кому не жаль, что Оуэнс-колледж не находится вдали от шума дорог, тягостного гула города?.. Наука идет рука об руку с уединением... Но кто может спокойно жить в современном городе! Он притупляет чувства и убивает душу... Как в такой отвратной среде могут процветать гуманитарные науки?» Не меньшее сожаление вызывало и отсутствие живого общения за пределами аудиторий. «Здесь нет никакой университетской жизни, — сетовал один студент, — каждый день приходится садиться на поезд, чтобы вовремя прибыть к 9.30 на лекции, а затем на другом вернуться домой к 17.00».

Другие жалобы, общие для всех студентов провинциальных университетов, касались методов преподавания и организации и содержания программы. В частности, они возражали против распространения излишне жесткой регламентации и стремления опираться на большие безликие лекции. Такими были основные проблемы, обсуждавшиеся на ежегодном съезде Национального союза студентов в 1938 году. Кроме того, некоторые студенты, отмечая высокоспециализированное и узкотехническое обучение, распространенное в гражданских университетах, возводили проблему к традиционно тесной связи провинциальных университетов с промышленностью, связи, которую они считали подозрительной. Они опасались, что технология, все чаще считавшаяся зловещей силой в современном обществе, стала причиной крушения идеала подлинно гуманитарного образования.

Одновременно студенты обвиняли университеты в проблеме безработицы среди выпускников. Будучи больше надуманной, чем реальной, вера в то, что у слишком большого числа выпускников не было никаких гарантий найти работу в промышленности или в какой-то иной области, была широко распространена среди студентов провинциальных университетов и заставляла их беспокоиться о собственном будущем. Говоря об апатии, которая поразила студенческую жизнь в гражданских университетах, Национальный союз студентов сделал вывод о том, что «основной причиной... было ощущение экономической и политической нестабильности, которое заставляло многих студентов сосредоточиться исключительно на работе в надежде, что тогда они получат хорошую должность после завершения учебы в университете». Недовольство провинциальных студентов зубрежкой только усиливало подозрение, что, какими бы прилежными они ни были в своей учебе, все лучшие места неизбежно займут выпускники Оксфорда и Кембриджа.

С жалобами студентов в межвоенные годы соглашались преподаватели и руководство гражданских университетов, а также чиновники из Комитета по субсидиям университетам, правительственного органа, ответственного за финансирование. Одной из часто обсуждавшихся тем было отсутствие в провинциальных университетах подлинной корпоративной жизни. Дж. П. Тейлор отмечает, что студенты были не одиноки в своей каждодневной миграции и изоляции. Он вспоминал, что «в пять часов вечера университет [в Манчестере] уже был закрыт». Как сокрушался профессор другого провинциального университета, «ты просто читаешь лекции, ведешь семинары и идешь домой». Другие области недовольства студентов, включая обезличенность отношений преподавателей и студентов, излишнюю специализацию программы и потенциально вредное влияние промышленности, также были поводом для более серьезной озабоченности, как и полное отсутствие физических и социальных удобств. Например, власти Манчестера согласились с мнением студентов, что состояние университета было неудовлетворительным. Здания, которые поначалу казались роскошными, теперь стали слишком тесными и были окружены многоквартирными домами, населенными бедняками. Только улучшение материальной базы университета, утверждал университетский казначей, позволило бы Манчестеру привлечь новых и сохранить старых преподавателей такого уровня, которыми институт гордился в прошлом.

Чем больше гражданские университеты пытались подражать старым университетам в одних областях, сохраняя свою традиционную приверженность в других, тем более очевидными становились их недостатки по сравнению со старыми университетами. В то же самое время, многие элементы, изначально определявшие своеобразие провинциальных университетов, — их городское месторасположение, специализированная программа, связанная с профессиональной подготовкой, особенно в науке и технике, и их доступность для студентов из намного более широких слоев населения — стали основным предметом недовольства и беспокойства. Таким образом, вместо переопределения английской идеи университета, произошло переопределение самих гражданских университетов. Оцениваемые не с точки зрения своего собственного этоса, а с точки зрения недостижимого идеала, новые университеты Англии к 1930-м годам казались обреченными на постоянное чувство неполноценности. Несмотря на многочисленные достоинства, они всегда были вторыми.

Чтобы понять, почему это произошло — почему, несмотря на изначальную жизнеспособность движения гражданских университетов, оксбриджский идеал одержал победу — необходимо рассмотреть пять взаимосвязанных событий, которые определили историю английского высшего образования в конце XIX — начале XX века. К этим событиям относятся: 1) начавшаяся в середине XIX века трансформация социальных функций университета, особенно в том, что касалось профессионального образования; 2) профессионализация самой академической карьеры; 3) появление национальной системы высшего образования, в которой государство играло все более важную роль, особенно в том, что касалось финансирования; 4) сохранение

в этой системе престижа Оксбриджа; 5) упадок в XX веке английских провинций. В процессе, который привел к переопределению английской идеи университета, эти события имели решающее значение для судьбы Манчестера и других гражданских университетов.

Возможно, наиболее важным событием, создавшим предпосылки для остальных, была начавшаяся в середине XIX века трансформация социальных функций университета, особенно в том, что касалось профессионального образования. Возрождение изначальной средневековой функции университета, связанной с предоставлением образования, необходимого для профессиональной деятельности, имело серьезные последствия для роли института в обществе, которое, в свою очередь, становилось все более профессиональным. Другие изменения вне университета, например, появление новых отраслей науки, рост государственного участия в экономической и социальной жизни и сужение традиционных каналов пополнения студенчества, также способствовали трансформации значения высшего образования. Как отмечал Гарольд Перкин, автор «Развития профессионального общества в Англии после 1880 года», в обществе, все более подчинявшемся влиянию профессиональных экспертов, высшее образование оказалось необходимым условием для вхождения в образованную элиту. «Для всех классов, — объясняет он, — университет стал стандартным путем к высокому статусу и доходу».²

Изменение роли университетов в подготовке все большего числа профессионалов в английском обществе было обусловлено возрастанием спроса на подготовленных специалистов в сочетании с признанием профессиональными ассоциациями преимуществ, особенно с точки зрения престижности, получаемых от обращения к большей ответственности за отбор и обучение новых сил для институтов высшего образования. Сочетание этих факторов привело к установлению более тесной связи между университетами и профессиями. Поскольку первые провинциальные институты служили альтернативой старым университетам, которые не давали профессионально-технического образования, Оуэнс-колледж занял важное место в этом процессе, начавшемся после 1860 года.

С другой стороны, эволюция профессионального идеала в Оксфорде и Кембридже следовала своим особым путем. Сначала для того, чтобы обойти традиционную антипатию Оксбриджа ко всем формам образования, считавшегося «полезным» в профессионально-техническом смысле, необходимо было переопределить понятие «профессионала», включив в него качества, обычно связываемые с английским идеалом джентльмена в XIX веке — ответственность, самодисциплину и верность долгу. В отличие от представления о капиталистическом предпринимателе, преуспевание которого на свободном рынке зависело от личной проицательности, считалось, что преуспевание джентльмена-профессионала зависело от эксперт-

² Perkin. *The Pattern of Social Transformation in England*. P. 214–218; Perkin. *The Rise of Professional Society*. P. 395; Halsey, Trow. *The British Academics*. P. 35.

ного знания, заслуженного признания и мнения о нем среди равных. Ставя качество своей работы выше прибыли, джентльмен-профессионал получал вознаграждение, доказывая свою незаменимость для общества. Конечно, он нуждался в специальной подготовке в своей области, но в основе этой подготовки джентльмена-профессионала должно было лежать всестороннее гуманитарное образование. Он должен был развивать не только свой ум, но и свой характер. И лучше всего такое образование могли предоставить Оксфорд и Кембридж. Они всегда стремились вырастить человека, а не эксперта, и когда качества первого стали считаться для профессионального идеала важнее, чем просто знания, старым университетам вновь удалось закрепить за собой особую роль в воспитании национальных лидеров.

Чтобы совершить следующий шаг (принятие в Оксбридж самих капиталистов), потребовалось какое-то время. В старых университетах глубоко укоренилось презрение к стремлению к наживе; преподаватели полагали, что «человек с характером не может оставаться человеком с характером, если он не сторонится бизнеса и стремления к богатству». Тем не менее на рубеже веков с учетом меняющихся реалий английского общества, ни Оксфорд, ни Кембридж не могли позволить себе оставаться в стороне и дальше. И точно так же, как ранее термин «профессионал» был переопределен с тем, чтобы включить в него качества джентльмена, сам бизнес теперь был возведен в ранг профессии. Как объяснял один из вновь назначенных университетских чиновников, «подлинная оценка деловой карьеры связана не с финансовой стороной, а с “полезностью”. Удовлетворение от бизнеса связано с пользой, которую приносит бизнесмен». И опять рецепт сработал. Переопределение терминов, а не серьезное изменение программы, позволило старым университетам приспособиться к потребностям современного общества, не отказываясь от своих основополагающих ценностей. В межвоенные годы Оксфорд и Кембридж привлекали все больше детей бизнесменов и направляли все больше своих выпускников в бизнес, что, по словам Гарольда Перкина, было свидетельством того, что «профессиональный идеал служения обществу... проник и в сам бизнес».³

Таким образом, в конце XIX — начале XX века, когда профессионалы стали наиболее быстро растущей профессиональной группой в британском обществе, они все чаще получали образование в университетах — старых и новых. Оксбридж и гражданские университеты различались в своих установках и подходе к профессиональному образованию и в результате сложились две университетские традиции — одна, связанная с национальными политическими, управленческими, деловыми и интеллектуальными элитами и занимавшаяся формированием характера, и другая, нацеленная на предоставление провинциальному среднему классу утилитарного образования и готовившая его к карьере в более новых технологических и профессиональных областях,

3 Rothblatt. *The Revolution of the Dons*. P. 257–258, 262–263, 271; Halsey. *The Decline of Donnish Dominion*. P. 61; Halsey, Trow. *The British Academics*. P. 460; Perkin. *The Rise of Professional Society*. P. 372, 374. См. также: Sanderson. *The Universities and British Industry*. P. 52–59.

например, в химии, инженерном деле и преподавании в государственных школах. Изначально эти две традиции были одинаково жизнеспособными и независимыми. Как отмечал А. Халси, «в новизне своих ранних городских начинаний гражданские университеты не особенно заботились о соответствии престижу Оксфорда».⁴ Разумеется, руководство Оуэнс-колледжа и Холдейн и не помышляли об этом, рассуждая на рубеже веков о будущем английского высшего образования. Тем не менее к 1930-м годам этос гражданских университетов утратил свою привлекательность, а сами институты постепенно поблекли в сравнении с блистательным Оксбриджем. Как это можно объяснить?

Частично ответить на этот вопрос помогает вторая из этих пяти тем: профессионализация самой академической карьеры. Как отмечал Перкин, если трансформация социальных функций высшего образования в XX веке означала, что университеты стали пропускным пунктом на пути к профессиональному статусу, то университетское преподавание стало «ключевой профессией», то есть той, которая готовила все остальные. Кроме того, как утверждали Перкин и Шелдон Ротблатт, университетские преподаватели не просто пассивно извлекали выгоду из объективного процесса, удовлетворяя требования, предъявляемые университетам городским/индустриальным обществом, которое все острее нуждалось в профессиональных экспертах. Напротив, профессора и преподаватели играли в этом процессе активную и даже агрессивную роль. Их вклад имел большое значение, поскольку в процессе создания собственной карьеры и ее трансформации в профессию университетские преподаватели отвечали за модернизацию университета, превращая его не только в источник профессионального образования, но и в источник фундаментальных исследований по множеству предметов, число которых постоянно росло.⁵

В старых университетах основные усилия, направленные на создания академической профессии, были сосредоточены на преподавании, а не исследовательской деятельности, которая не входила в число основных задач

ЕСЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ФУНКЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В XX ВЕКЕ ОЗНАЧАЛА, ЧТО УНИВЕРСИ-
ТЕТЫ СТАЛИ ПРОПУСКНЫМ ПУНКТОМ
НА ПУТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ
СТАТУСУ, ТО УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ПРЕ-
ПОДАВАНИЕ СТАЛО «КЛЮЧЕВОЙ
ПРОФЕССИЕЙ», ТО ЕСТЬ ТОЙ, КОТОРАЯ
ГОТОВИЛА ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

4 Perkin. The Rise of Professional Society. P. 79–80; Halsey A. H. Change in British Society. Oxford, Eng., 1936. P. 34; Halsey. The Decline of Donnish Dominion. P. 61, 66.

5 Perkin. Key Profession. 1; Idem. The Rise of Professional Society. P. 395; Rothblatt. The Diversification of Higher Education in England. P. 131–148.

Оксбриджа. Начиная с 1840-х годов, желание нового поколения преподавателей сделать преподавание в университете областью своих профессиональных занятий привело к возрождению наставнического идеала. Но поначалу реформаторы также включили научно-исследовательскую деятельность в число критериев, по которым можно было судить о хорошем преподавателе. Задолго до этого под влиянием научной парадигмы бескорыстного познания и систематического исследования, наряду с тенденцией к большей специализации преподавания, исследовательская деятельность начала становиться важной — и зачастую конкурентной — функцией профессорско-преподавательского состава. Последующие реформы 1870–1880-х годов привели к триумфу в Оксфорде и Кембридже новой идеи университета, который должен был быть «национальным, светским, профессиональным и в значительной степени посвященным исследованиям», сохранив при этом «многие старые стили и формы... и главную цель — предоставление гуманитарного образования детям профессионалов и управленческой элиты».⁶ Будучи движущей силой этих перемен, преподаватели и студенты старых университетов извлекли из них наибольшую пользу. Превратив Оксфорд и Кембридж в современные институты высшего образования, они и сами смогли получить статус профессионалов.

Реформа старых университетов имела важные последствия и для преподавателей провинциальных университетов Англии. Первоначально профессионализация академической жизни в гражданских университетах шла параллельно с изменениями, происходившими в Оксбридже, причем благодаря меньшему числу препятствий, которые нужно было преодолеть, развитие было более быстрым, а введение нового стиля более полным. И, как показывает ранний опыт Оуэнс-колледжа, само отсутствие традиций у новых институтов было серьезным преимуществом. Но под давлением профессиональных амбиций преподавателей Оксфорд и Кембридж начали адаптироваться к современной эпохе: старейшие университеты Англии все чаще осваивали многие элементы того, что первоначально служило отличительной особенностью гражданских университетов. Как отмечали профессор Оуэнс-колледжа и другие наблюдатели, провинциальные институты не могли рассчитывать на то, чтобы сравниться с престижем Оксбриджа в осуществлении традиционных целей гуманитарного образования; скорее, они должны поставить перед собой свою особую цель. К несчастью для гражданских университетов, удовлетворение профессиональных амбиций преподавателей Оксфорда и Кембриджа привело к тому, что новым университетам так и не удалось создать свою особую идентичность. Поощряя спе-

6 Rothblatt. *The Revolution of the Dons*. P. 227; Heyck T. W. *The Transformation of Intellectual Life in Victorian England*. New York, 1982. P. 155–186. Рассмотрение равновесия между наставническим и исследовательским идеалом в Оксфорде см.: Engle. *From Clergyman to Don*. P. 283–284. О ситуации в Кембридже см.: Rothblatt. *The Revolution, of the Dons*. P. 250, 257–258, 272. Рассмотрение профессионального и наставнического идеалов см.: Perkin. *Key Profession*. P. 14–15; Rothblatt. *The Diversification of Higher Education in England*. P. 134.

циализацию и расширяя программу, особенно в естественных, а позднее и в социальных науках, и — что более важно — повышая статус исследовательского идеала, профессионализация университетской жизни в Оксбридже сделала старые университеты больше похожими на новые, позволив им при этом сохранить свой элитарный статус. Благодаря накопленному богатству и престижу университетская профессионализация в Оксбридже гарантировала сохранение превосходства старых университетов.

С другой стороны, вследствие профессионализации гражданских университетов они превратились в некое подобие аванпостов Оксфорда и Кембриджа. Отчасти это было отражением процесса «колонизации», посредством которой молодые преподаватели, получившие образование в старых университетах и придерживающихся оксбриджского идеала, отправлялись строить свои профессиональные карьеры в более новых университетах. В Манчестере, например, профессорско-преподавательский состав на рубеже веков, особенно на гуманитарном факультете, состоял главным образом из выходцев из Оксфорда или Кембриджа. Хотя в межвоенные годы ситуация изменилась — университет теперь принимал на работу своих выпускников, — выпускники старых университетов по-прежнему составляли примерно четвертую часть профессорско-преподавательского состава. Действительное влияние, оказанное присутствием множества преподавателей, получивших образование в Оксбридже, с трудом поддается оценке. Историк Рой Лоу связывает с ними начало академического дрейфа. Шелдон Ротблатт и другие утверждали, что получившие образование в Оксбридже преподаватели с высокими карьерными ожиданиями были разочарованы жизнью в провинции, особенно в межвоенные годы. Возможно, их разочарование дополнило общее ощущение немощи, поразившее гражданские университеты в то время.

Остальные события, имеющие инструментальное значение для объяснения судьбы гражданских университетов, можно рассмотреть более кратко. Так же, как в конце XIX — начале XX века индивидуальный выбор честолюбивых в профессиональном отношении преподавателей тяготел к одной единственной модели академической карьеры, политика, проводившаяся центральным правительством на протяжении всего этого периода, сознательно или нет, способствовала распространению одного представления об университете. После 1889 года государство, главным образом благодаря финансированию, способствовало появлению национальной системы, в которую в конечном счете вошли старые и новые университеты. Тогда, в результате усилий со стороны энергичных лоббистов, Оуэнс-колледж и другие университетские колледжи в Англии получили первые субсидии министерства финансов. Изначально перечень получавших субсидии университетов отражал стремление центрального правительства оформить складывавшуюся в Англии систему высшего образования. Наиболее сильные и наиболее обеспеченные с финансовой точки зрения университетские колледжи вправе были претендовать на получение государственной помощи, причем суммы, предоставлявшиеся каждому институту, отражали соответствующий

относительный статус. Оуэнс-колледж, имевший больше всего профессоров, преподавателей и студентов и получавший больше всего средств из местных источников, с самого начала возглавлял список субсидируемых колледжей и на протяжении первых пяти лет субсидирования получал самую крупную сумму — 1800 фунтов в год. Комитет, занимавшийся распределением средств, придерживался политики, в соответствии с которой самые сильные институты получали больше всего доступных средств — практика, которая со временем привела к закреплению неравенства внутри все более централизованной системы.

В 1890–1900-х годах шел медленный, но верный рост финансирования высшего образования в Англии, и в результате, несмотря на заявления институтов о намерении опираться прежде всего на местные источники, зависимость гражданских университетов от государственных субсидий заметно возросла. Например, в период с начала столетия по начало Первой мировой войны государственные субсидии Манчестеру, который продолжал получать самое серьезное финансирование, выросли втрое, несмотря на щедрые пожертвования города и его жителей. После окончания войны государственные субсидии составляли треть ежегодного дохода университета. Очевидно, что в этот период произошел перелом в отношениях Манчестера с центральным правительством. То же относится и к другим гражданским университетам и университетским колледжам Англии. В действительности, у большинства из них к концу войны государственные субсидии составляли еще большую долю дохода, чем у Манчестера.

Со своей стороны провинциальные институты приветствовали готовность правительства взять на себя большинство расходов на их содержание. Как показывает опыт Манчестера до начала Первой мировой войны, финансовые потребности современного университета, все больше связанные с высокими затратами на научные, технические и медицинские исследования, были слишком велики, чтобы их могла удовлетворить одна лишь гражданская филантропия. Экономические трудности послевоенного периода сделали представление Холдейна о местном финансировании высшего образования несбыточной мечтой. Несмотря на сохранение традиционных местных источников финансирования, все большую часть доходов Манчестерского и остальных провинциальных университетов составляли субсидии центрального правительства.

Создание в 1919 году Комитета по субсидиям университетам означало официальное признание новых отношений, сложившихся между гражданскими университетами Англии и государством перед началом Первой мировой войны. Будучи отделом министерства финансов, отвечавшим за удовлетворение финансовых требований университетов и предоставление рекомендаций правительству относительно наилучших способов достижения этой цели, комитет призван был обеспечивать связь между университетами и государством. На деле он также служил своеобразным буфером, защищавшим высшие учебные заведения от неумелого государственного вмешательства. Тем не менее, несмотря на общепринятую практику невмешательства

(помимо предоставления рекомендаций относительно финансирования), влияние Комитета по субсидиям университетам не ограничивалось одними финансовыми вопросами. Как отмечал один историк, «хотя комитет не пытался проводить какую-то единую политику, ему пришлось выработать некие руководящие принципы, и такие принципы и практики постепенно были кодифицированы. Охватывая все университеты страны, Комитет по субсидиям университетам был наиболее мощным фактором в создании у университетов и колледжей понимания общих задач и общих проблем».

Поначалу Оксфорд и Кембридж не попадали в поле зрения Комитета по субсидиям университетам, предпочитая оставаться в стороне от схем финансирования центрального правительства. До тех пор, пока сохранялось такое положение и старые университеты не входили в список университетов, получавших субсидии, Манчестеру и остальным гражданским университетам проще было избегать прямого сравнения с Оксбриджем. Но как только Комитет по субсидиям университетам, осуществлявший государственное финансирование, стал символизировать национальную систему высшего образования Англии, Оксфорд и Кембридж начали утверждаться в качестве определяющих институтов системы. Признав, что послевоенные потребности в финансировании, которые у этих университетов были ничуть не меньше, чем у гражданских, могли быть удовлетворены только благодаря серьезным государственным вливаниям, с 1923 года они также стали получателями государственной помощи. И как только старые университеты вошли в перечень Комитета по субсидиям университетам, они сразу же стали получать самые крупные субсидии. Тогда же в отчетах комитета, которые предоставляли официальную оценку академической жизни в Англии, Оксфорд и Кембридж все чаще стали приводиться в качестве воплощения идеала, к которому должны стремиться остальные университеты.

Таким образом, в середине 1920-х годов превосходство Оксфорда и Кембриджа в иерархии высшего образования в Англии, представленной в перечне субсидируемых комитетом университетов, вновь было подтверждено. Тем не менее на рубеже веков трудно было представить, что старым университетам удастся сохранить свое влияние, учитывая вызов, брошенный им со стороны гражданских университетов. Чем же можно объяснить сохранение престижа оксбриджского идеала в рамках зарождавшейся национальной системы? Теории систематизации говорят о том, что социальное происхождение и карьерные ожидания выпускников Оксбриджа, наряду с программой и образом жизни в старых университетах, по-видимому, способствовали сохранению связи между Оксфордом и Кембриджем и элитами английского общества в XX веке. Помимо социального престижа, связанного с классовым происхождением и карьерными перспективами оксбриджских студентов, существовал еще и культурный престиж, олицетворением которого служили программа и образ жизни старых университетов. Сохраняя изысканность, привилегированность и приверженность гуманитарному образованию, которые способствовали обособлению их как элитарных институтов, и направляя все большую часть своих огромных средств на проведение

исследований, Оксфорд и Кембридж смогли сохранить стандарты, которым не в состоянии был соответствовать ни один другой институт. И на это никак не влияло то, что новые университеты нередко превосходили Оксбридж по глубине проводимых ими исследований. В остальных же областях гражданские университеты были попросту неконкурентоспособными.

Проблема, однако, была не в том, что провинциальные институты пытались осуществить оксбриджский идеал и потерпели неудачу в этом предприятии, а скорее в том, что критики университетов не смогли оценить своеобразие стоявшей перед гражданскими университетами задачи. И это одна из важнейших причин сохранения престижа старых университетов и угасания идеала гражданского университета в межвоенный период. В действительности, для понимания причин триумфа оксбриджской идеи университета и печальной судьбы гражданских университетов необходимо рассмотрение более широкого контекста отношений и областей, которым стремились служить провинциальные университеты, — промышленности и торговли. Для этого необходимо рассмотреть споры об упадке английского индустриального духа в XX веке. Эта тема вызвала столько же разногласий среди социальных и культурных историков (не говоря уже о популярной прессе), как и спор между экономическими историками по схожей проблеме, так называемой «несостоятельности» британской экономики, особенно на протяжении нескольких десятилетий перед началом Первой мировой войны.⁷ Не излагая позиций, которые занимали различные участники споров, необходимо обратить внимание на несколько моментов, связанных со статусом гражданских университетов в английском обществе.

Прежде всего, независимо от того, была ли экономика «несостоятельной» на самом деле, и от причин этой «несостоятельности», большинство комментаторов соглашались с тем, что перед Первой мировой войной отношение британских предприятий к гражданским университетам было (за некоторыми исключениями) явно безразличным. К тому же, господствующая культура не особенно высоко ценила провинциальные университеты. Несмотря на недостатки аргументации, имеется достаточно свидетельств того, что английское общество было пронизано антииндустриальными, антиурбанистическими, антитехнологическими настроениями, которые могли оказать негативное влияние на гражданские университеты и на выполнение поставленной перед ними задачи. Согласно одной из распространенных точек зрения, такие ценности связаны с аристократическим прошлым Англии, и после революции они сохранились в образовательных институтах элиты, где в результате вертикальной мобильности они были усвоены средним классом, приобретающим все больше «благородных» черт. Другие, особенно Гарольд Перкин, утверждали, что в такой интерпретации не учитывается возникновение в английском обществе профессионального идеала, ориентированного в большей степени на служение обществу, чем на извлече-

⁷ Исчерпывающую библиографию по теме см.: Pollard S. Britain's Prime and Britain's Decline: The British Economy, 1870–1914. London, 1939.

ние личной выгоды. Будучи кодексом поведения, полагает Перкин, профессиональный идеал служения обществу применялся к политике, государственному управлению и, разумеется, к самой профессии, проникая, в конечном итоге и в бизнес. Он делает следующий вывод: «Упадок индустриального духа в действительности был отступлением предпринимательского идеала перед вторжением профессионализма».⁸

Для гражданских университетов возникновение профессионального общества означало закрепление за ними статуса институтов второго сорта. В системе образования, все более тяготеющей к производству (и воспроизводству) профессиональных элит, Оксфорд и Кембридж имели неоспоримое превосходство. И когда при принятии выпускников на работу в бизнесе и промышленности наличие у них гуманитарного образования и правильного социального происхождения стало считаться более важным, чем владение определенными навыками, провинциальные университеты лишились одной из последних областей, где они имели сравнительное преимущество. Они по-прежнему могли готовить ученых, технологов и преподавателей, но в обществе, которое все сильнее связывало профессиональное образование — даже в управлении бизнесом и промышленностью — с воспитанием характера, а не с развитием технических навыков, гражданским университетам не на что было рассчитывать в конкуренции с престижем Оксфорда и Кембриджа. Между тем старые университеты постепенно начинали предоставлять не только гуманитарное, но и профессионально-техническое образование, а также заниматься исследовательской деятельностью, вследствие чего конкуренты утрачивали свои отличительные особенности. Наконец, в самих провинциальных университетах профессионализация академической жизни, символизируемая присутствием множества преподавателей, получивших образование в Оксбридже, способствовала ослаблению приверженности этих институтов своему первоначальному этосу. Таким образом, хотя гражданские университеты не отреклись от своей миссии в XX веке, студенты, предприниматели, государственные чиновники и внешние наблюдатели, а также преподаватели и руководство самих гражданских университетов, оценивали ситуацию иначе.

Последней причиной триумфа оксбриджского идеала за счет гражданских университетов является упадок английских провинций в XX веке. Вслед за фундаментальными сдвигами в национальной экономике индустриальные области Англии, сосредоточенные вокруг северных городов наподобие Манчестера, в межвоенные годы утратили чувство гордости и независимости, которое некогда способствовало их возвышению.

«Подавляющее большинство жителей Лидса, Манчестера, Шеффилда, Гуллы или Бирмингема никогда не поступит в университет и не знает, что про-

8 Perkin. *The Rise of Professional Society*. P. 119, 370, 374–375, 376. См. также: McKendrick N. “Gentlemen and Players” Revisited: The Gentlemanly Ideal, the Business Ideal and the Professional Ideal in English Literary Culture // *Business Life and Public Policy: Essays in Honour of D. C. Coleman* / Ed. N. McKendrick, R. B. Outhwaite. Cambridge, Eng., 1986. P. 121, 135.

исходит в нем», — объяснял Рид. Энтони Берджесс, который и сам был студентом Манчестерского университета в 1930-х годах, отмечал: «Они удивлялись, зачем нужны были эти мрачные готические здания». Попытки гражданских университетов привлечь студентов из других провинций и поправить свой академический имидж только усугубили ситуацию. Рид отмечал: «Заканчивая университет, выпускники, возвращающиеся в свои родные места, которые находятся на расстоянии многих миль от университета, не выступают в роли миссионеров местного университета, куда они не стали поступать, или собственного университета, который находится слишком далеко, чтобы что-то значить на местном уровне; в результате, они присоединяются к массе провинциальных выпускников, которых мало интересует, какой именно университет они закончили». Забвение в своих собственных городах привело к полному кризису идентичности гражданских университетов.

В результате, провинциальные университеты утратили веру в себя. Страдавшие от относительной нехватки средств и отказа потенциальных почитателей признавать важность поставленной перед ними задачи, Манчестерский и остальные гражданские университеты Англии вряд ли могли рассчитывать на то, чтобы бросить вызов превосходству Оксфорда и Кембриджа, не говоря уже об успешном создании новой модели университета. Поэтому события конца XIX — начала XX века привели к утверждению одной единственной идеи университета, которая представляет собой современную разновидность элитарного оксбриджского идеала. В этом процессе Манчестерский и другие провинциальные университеты определяли — и переопределяли — себя сначала в качестве первопроходческой альтернативы старым английским институтам, а затем в качестве второсортного суррогата. Таким образом, история гражданских университетов, особенно в XX веке, представляет собой историю упущенных возможностей и торжества традиции.

Перевод с английского Артема Смирнова